

18+

ДОГОВОР С ПАМЯТЬЮ

Безликий поэт

Безликий Поэт

Договор с памятью

«Издательские решения»

Поэт Б.

Договор с памятью / Б. Поэт — «Издательские решения»,

Это история о любви, которая началась с дружбы. Они дышали друг другом. Они жили друг другом. Но они не смогли быть вместе. Эта книга — монолог той, кто осталась. И того, кто ушёл. Два голоса. Две правды. Одна любовь. «Договор с памятью» — роман о том, как трудно отпускать. О том, как любовь становится клеткой. И о том, как мы возвращаемся туда, где нас уже нет, снова и снова.

© Поэт Б.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ. «ПРИВЕТ»	7
Её монолог	7
Его монолог	8
Её монолог	9
Его монолог	10
ГЛАВА ВТОРАЯ. «ГОЛОС»	11
Её монолог	11
Его монолог	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. «КУЛАЧКИ»	16
Её монолог	16
Его монолог	18
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. «Я ЕДУ»	19
Её монолог	19
Его монолог	21
ГЛАВА ПЯТАЯ. РЕВНОСТЬ	22
Её монолог	22
Её страх	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Договор с памятью

Безликий Поэт

© Безликий Поэт, 2026

ISBN 978-5-0071-1659-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Память — это не прошлое. Это настоящее, которое не проходит».

Безликий поэт

∞

ПРОЛОГ

В три часа ночи, когда тишина в доме становится плотной, как вода, и слышно только, как холодильник включает свой мотор, — я не сплю.

Передо мной разложены листы с дипломом. Я готовилась к защите. Я была собрана. Я была взрослой.

Телефон мигнул.

Я потянулась рассеянно — думала, мама? или спам. Или кто-то из тех, с кем я теперь пытаюсь строить нормальные, спокойные, «взрослые» отношения. С кем не срывается. С кем всегда жмёт в плечах.

«Привет, ты спишь?»

Имя на экране. То самое, которое я не удаляла целых десять лет. Я не блокировала его, не стирала из памяти — я просто заключила с ней безмолвный договор, подписанный где-то в глубине моего существа. Железный, непоколебимый, не требующий слов. Суть его была проста: я притворилась, что тех ночей не существовало. Что не было домов, где мы прятались от всего мира, где время замирало и принадлежало только нам. Что наши прощания — лишь плод моего воображения. Я вычеркнула его голос, стерла из памяти ту фразу, которую он произнес тогда, — «это нужно пережить». Я последовала его совету. Пережила. Выжила, вопреки всему. И почти, почти убедила себя, что слово «остыл» — это финальная точка, за которой ничего не следует.

Тёма.

«Привет, ты спишь?»

Сердце ударило не в грудь — в горло.

За десять лет я научилась ценить покой. Я пережила, но я не забыла, как он замолкал, прежде чем сказать что-то важное.

Я смотрела на сообщение и понимала: договор с памятью только что был расторгнут в одностороннем порядке. В три часа ночи перед защитой диплома, который теперь казался мне просто стопкой бумаги.

«Привет, ты спишь?»

Я набрала воздух. Выдохнула так, словно выдыхала эти десять лет и напечатала:

«Нет. Не сплю».

ГЛАВА ПЕРВАЯ. «ПРИВЕТ»

Её монолог

Я не помню точно, какое было число. Помню только, что на улице темнело и в доме пахло яблоками — мама закрывала компот на зиму. Сладкий, приторный запах кипящего сахара заползал во все углы, и я сидела с ноутбуком на кухне, уставшая после учёбы, пустая, как вымытая банка.

Сообщение пришло без предупреждения.

«Привет.»

Не «привет, как дела». Не «привет, ты красивая». Просто привет. Имя пользователя ничего мне не говорило. Фотография — размытый силуэт на фоне заката. Я могла не ответить, обычно не отвечала незнакомцам.

Но ответила. *«Привет.»*

Я не знала тогда, что этот сухой обмен двумя одинаковыми словами станет первой зарубкой на чём-то огромном. Что через месяц я буду просыпаться и первым делом смотреть в телефон — не написал ли он. Что полгода его голос станет мне роднее маминого, а через год я буду стоять у своего дома в три часа ночи и думать: вот оно- то, ради чего всё.

Но это будет потом.

А пока — мы просто переписывались. Сначала коротко, потом длинно, а после и вовсе до утра. Я узнала, что он ездит на мотоцикле; что он любит ночь больше, чем день. Что он смеётся редко, но когда смеётся — хочется смеяться вместе с ним, даже если не понимаешь шутки.

Он узнал, что я боюсь пауков; что я пью чай без сахара; что я хочу написать книгу когда-нибудь. «Напиши», — сказал он тогда. И я запомнила это, как будто он дал мне разрешение на что-то важное.

Мы не говорили о любви. Мы говорили обо всём, кроме неё, — и именно поэтому она прокралась в щель между словами так быстро и так беззвучно.

Первый звонок прозвенел через месяц. Он не написал вечером. Я прождала до двух ночи — ничего. И тогда я впервые почувствовала это — маленькую, холодную иглу под сердцем. «А вдруг больше не напишет? А вдруг я ему не важна? А вдруг — просто переписка?»

Он написал в три: *«Прости, был в гараже. Мотоцикл чинил. Ты как?»*

Игла исчезла, но след остался. Я уже зависела, я уже была влюблена, сама себе в этом не признаваясь.

Его монолог

Я написал «Привет» и выключил экран.

Сразу пожалел, слишком просто и пусто. Я подумал она не ответит. Такие, как она, не отвечают таким, как я. У неё на фотографии — светлые волосы, лёгкая улыбка, глаза, в которых хочется утонуть. У меня — размытый силуэт на фоне заката и ни одной нормальной фотографии в профиле.

Я сидел в гараже, смотрел на мотоцикл и думал: зачем я это сделал? Зачем написал незнакомому человеку? Я никогда не писал первый, никогда не искал знакомств. Я вообще не верил, что из этого что-то выходит.

Через пять минут телефон зажёгся.

«Привет.»

Я смотрел на экран и не верил — она ответила. Простое слово — но я перечитал его раз десять, потом ещё десять. Я пытался понять по этому «привет» всё — её голос, её настроение, её отношение ко мне. Глупо! По одному слову ничего не поймёшь, но я всё равно пытался.

Первое время я проверял телефон каждые пять минут. Я никогда никого не ждал, я не умел ждать. С ней — научился. Я читал её сообщения по три раза вслух, шёпотом. Хотел запомнить, как она строит фразы, как ставит запятые, как смеётся скобочками и смайликами.

Она рассказала, что боится пауков, пьёт чай без сахара, хочет написать книгу. Я сказал: «Напиши». И в тот момент я впервые почувствовал себя нужным — не потому что я что-то сделал, а потому что она поделилась со мной мечтой, как будто я имел значение.

Она не знала, что я сохранял каждое её фото — даже те, где она говорила: «Я тут не очень получилась». Что я ставил телефон на зарядку и клал рядом с подушкой, чтобы не пропустить её сообщение, даже если усну.

Она не знала, что я уже был влюблён. Я просто не говорил этого.

Её монолог

Месяц переписки. Месяц — и я первая сказала ему «Ты мне нравишься». Написала и тут же бросила телефон на кровать, как будто он обжёг мне пальцы.

Он ответил через минуту. «Я знаю». И всё, никаких «ты мне тоже». Никаких признаний., но с того дня он начал вести себя так, будто мы уже вместе: «Ты поела?» «Ты тепло оделась?» «Не пиши поздно, тебе завтра на учёбу». Официального решения не было. Но отношения уже существовали — в его тоне, в его заботе.

Я не знала тогда, что он тоже боялся. Я просто знала, что хочу увидеть его по-настоящему. Живым — не на экране.

Его монолог

Она написала: *«Ты мне нравишься»*.

Я смотрел на экран и не мог пошевелиться. Она сказала это первой! Я должен был ответить: «Ты мне тоже». Я хотел ответить, но пальцы не слушались. Я написал: *«Я знаю»* — и тут же возненавидел себя. Что за глупый, самоуверенный ответ? Что она теперь подумает?

Но я не знал, как сказать правду. Что она нравится мне с первого сообщения, что я жду её сообщений, что боюсь спугнуть её, боюсь сказать лишнего, и что она поймёт: я не тот, кто ей нужен.

Я не умел говорить о чувствах, меня не научили. В моей семье не говорили «люблю» — там говорили «не подведи». Я вырос с пониманием, что любовь надо заслужить. А она любила меня просто так. За то, что я писал ей по ночам, за то, что слушал её, за то, что был.

Я начал заботиться о ней. Это был мой способ сказать «я люблю тебя». Я надеялся, что она поймёт.

Я хотел увидеть её, но боялся, что при встрече магия исчезнет. Что она посмотрит на меня — живого, настоящего, с моими шрамами и молчанием — и разочаруется.

Я не знал тогда, что она уже любит меня. Что ей всё равно, какой я, она ждёт, чтобы я приехал.

ГЛАВА ВТОРАЯ. «ГОЛОС»

Её монолог

Я не знаю, сколько раз я набирала его номер и стирала.

Телефон лежал на подушке рядом со мной, экран горел. Пальцы зависали над зелёной кнопкой и отдёргивались, как от горячего.

Было два часа ночи, мама спала. В доме было тихо, только холодильник гудел на кухне, и этот гул казался мне оглушительным. Я боялась, что он услышит, как колотится моё сердце, даже через трубку.

Мы переписывались три недели. Три недели я читала его сообщения и представляла его голос. Низкий? Высокий? Он смеётся басом или тонко? Как он произносит моё имя? Я не знала, я хотела знать, но я боялась.

Я боялась, что голос не совпадёт. Что он окажется не таким, как я себе придумала. Что магия текста исчезнет, как только я услышу его живьём. Что я скажу что-то глупое, что-то невпопад или он услышит мою неуверенность и разочаруется.

Я написала ему: *«А ты когда-нибудь звонишь людям? Или только пишешь?»*

Он ответил через секунду: *«Звоню, но тебе боюсь».*

Я уставилась на экран. Он тоже боится. Это почему-то успокоило меня больше всего.

«Давай вместе бояться», — написала я и нажала «вызов».

Гудки. Один. Второй. Третий. На четвёртом я почти сбросила — палец уже тянулся к красной кнопке, когда в трубке что-то щёлкнуло, и тишина стала другой.

— Привет, — сказал он.

И я пропала.

Его голос был низким, но не грубым — глубоким, обволакивающим, как тёплый плед в холодную ночь. Он звучал так, будто он улыбался, даже когда не улыбался. Я почувствовала его где-то под рёбрами, в том месте, где рождается дрожь, которую нельзя объяснить словами.

— Привет, — ответила я, и мой голос дрогнул.

— У тебя красивый голос, — сказал он. — Я так и знал.

— Ты не мог знать. Ты же не слышал меня.

— Я знал

Мы замолчали. Как будто мы впервые увидели друг друга, только глазами были уши.

А потом он заговорил. И я слушала.

Он рассказывал о своём дне — как чинил мотоцикл в гараже, как руки были в масле, как друг принёс пиво, но он не стал пить, потому что хотел остаться трезвым, чтобы написать мне вечером. Я смеялась. Он замолкал, когда я смеялась, и я чувствовала, что он слушает мой смех так же жадно, как я слушаю его голос.

— Расскажи что-нибудь, — попросил он. — Всё равно что.

И я рассказала. Про книгу, которую читаю, про то, как пахнет осень за окном, про маму, которая спрашивает, почему я улыбаюсь в телефон. Про то, как я боюсь пауков, даже самых маленьких, и он засмеялся — впервые за вечер — и его смех был именно таким, каким я его представляла. Низким, тёплым, чуть хрипловатым. Я закрыла глаза.

Я не знаю, сколько мы проговорили. Час, может, два. Может, больше. Время перестало существовать. Мы просто висели на волне его голоса и моего голоса, и расстояние между нами исчезало с каждым словом.

— Тебе пора спать, — сказал он вдруг. — Уже поздно. Точнее, рано.

— Я знаю, — сказала я. — Но я не хочу.

— Я тоже

Мы замолчали. Я слышала его дыхание в трубке — ровное, спокойное, родное. Я прижимала телефон к уху так, будто он мог меня услышать даже без слов. Будто моё дыхание говорило ему больше, чем любые признания.

— Позвонишь завтра? — спросила я.

— Если ты хочешь.

— Хочу.

— Тогда позвоню. Сладких снов, Амели.

Он впервые назвал меня по имени. Не «Амель», как в переписке, а полностью — «А-ме-ли». Три слога, произнесённые его голосом, прозвучали как самая красивая мелодия, которую я когда-либо слышала. Я закрыла глаза и повторила про себя это звучание, чтобы запомнить навсегда.

— Сладких снов, — прошептала я и не сразу нажала «отбой».

Я лежала в темноте и прижимала телефон к груди, будто он всё ещё был там. Будто его голос можно было удержать, как тёплую воду в ладонях. Я знала: завтра я снова буду ждать, но

теперь у меня было кое-что новое. У меня был звук его голоса. И я знала, как он произносит моё имя.

Его монолог

Она позвонила первая.

Я смотрел на экран и не верил. Её имя, её фото — размытый силуэт на фоне заката, которое я поставил на её контакт. Она звонила. Мне.

Я взял трубку на четвёртом гудке, потому что боялся, что если сниму сразу — выдам себя. Скажу что-то не то или слишком много.

— Привет, — сказал я. И внутри всё оборвалось.

Её голос был именно таким, каким я его представлял — но лучше. Нежнее, мягче, с лёгкой хрипотцой, будто она только что проснулась или долго молчала. Он звучал как музыка, которую я не слышал никогда, но узнал с первой ноты.

— Привет, — ответила она, и я услышал, как дрогнул её голос.

— У тебя красивый голос. Я так и знал.

Это была правда. Я знал. Я представлял его каждую ночь, когда читал её сообщения. Я мысленно озвучивал их её голосом, и он всегда был именно таким — тёплым, обволакивающим, как летний вечер.

Мы говорили долго. Я рассказывал ей о гараже, о мотоцикле, о друге, который принёс пиво — всякая ерунда, которая не имела значения. Но для неё имела. Она слушала и смеялась. И её смех был ещё лучше, чем голос. Я замолкал каждый раз, когда она смеялась, просто чтобы послушать. Я готов был рассказывать ей всё что угодно, лишь бы она смеялась.

Она рассказывала о книге, о маме, о пауках. Я слушал и закрывал глаза. Я видел её — на диване, с телефоном в руке, улыбающуюся. Я видел, как она поправляет прядь волос. Я видел её лицо, которое я знал только по фотографиям, но теперь оно ожило.

— Тебе пора спать, — сказал я. Не потому что хотел закончить, а потому что заботился о ней.

— Я знаю. Но я не хочу.

— Я тоже.

Это была правда. Я не хотел заканчивать этот разговор никогда.

— Позвонишь завтра? — спросила она.

— Если ты хочешь.

— Хочу.

Она сказала: «Сладких снов» и положила трубку.

Я сидел в темноте и смотрел на телефон. Экран погас, а я всё ещё слышал её голос.

Я уже люблю её, но ещё не сказал этого вслух.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. «КУЛАЧКИ»

Её монолог

Месяц переписки.

Мы договорились встретиться через месяц после того первого «привет». Я стояла у калитки своего дома и не могла унять дрожь. Не от холода. От него.

Звук мотора я услышала раньше, чем увидела свет фары. Низкий, рокочущий — он заполнил собой всю улицу, всю мою грудную клетку.

Мотоцикл остановился у моего дома. Двигатель смолк. Тишина ударила по ушам.

Он снял шлем.

И я увидела его глаза. Яркие, голубые — такого чистого, пронзительного оттенка, что у меня перехватило дыхание. В переписке я не знала этого. На фотографиях не видела. А теперь они смотрели прямо на меня, и в них было всё, что он не говорил словами.

— Привет, Амели.

Вживую его голос оказался ниже. Глубже. Я почувствовала его где-то под рёбрами.

— Привет, — сказала я и поняла, что охрипла.

Он улыбнулся уголком рта. Спешился и подошёл.

— Иди обниму, — звучало так резко и мило.

И всё. Больше ничего не нужно было. Мы стояли у моего дома — уже не чужие, ещё не успевшие привыкнуть друг к другу вживую. Уже в отношениях, но ещё не знающие, как это — касаться.

Мы гуляли по улице. Фонари горели через один. Он рассказывал про мотоцикл — как собирал его сам, по частям. Я слушала не слова — звук. Смотрела на его профиль, подсвеченный жёлтым, затемнённый, снова подсвеченный. На его глаза, которые в темноте становились почти прозрачными.

Час пролетел, как пять минут.

У калитки он остановился.

— Мне пора.

Я кивнула, не зная, куда деть руки. Он шагнул ближе. Наклонился и поцеловал меня в щёку. Я замерла. Он отстранился, глядя мне в глаза — и в его голубых зрачках плясал свет фонаря.

— Я рад, что ты первая сказала, — произнёс он тихо.

Натянул перчатки — чёрные, кожаные, с прострочкой по краям. Протянул руку. Я машинально потянулась пожать её.

Он усмехнулся.

— В перчатках руки не жмут. Дай руку.

И сжал ладонь в кулак.

Я замерла на секунду. А потом — сжала свою ладонь в кулак и прижала к его кулаку. Костяшка к костяшке.

Это было странно и одновременно — самое интимное, что случалось между нами.

— До встречи, Амели.

Он надел шлем, завёл мотор и уехал.

Я стояла у калитки и смотрела на свой всё ещё сжатый кулак. Я не могла разжать его целую минуту. А когда разжала — внутри что-то оборвалось и полетело вниз.

Вот тогда я и поняла. Не в переписке, не в «ты мне нравишься», а в этих дурацких кулаках, в поцелуе в щёку, в его голубых глазах. Я влюбилась.

Его монолог

Я ждал этого дня.

Месяц я читал её сообщения, слушал её голос, представлял, как она улыбается. Месяц я боялся, что она окажется не такой или я окажусь не тем. Что эта хрупкая магия рассыплется при первой встрече.

Я ехал к ней и чувствовал, как сердце колотится где-то в горле. Я никогда не боялся встреч, я не боялся людей. Но я боялся её. Боялся, что она посмотрит на меня и поймёт: я не тот, кого она ждала.

Она стояла у калитки. Я увидел её, когда подъезжал, — её силуэт, её каштановые волосы, засветившиеся в фонарях. Её глаза. Я забыл, как дышать. Карие, чуть раскосые, с длинными ресницами. Она была красивее, чем я мог себе представить.

Я сказал «Привет». Мой голос дрогнул. Я не мог это контролировать.

Я хотел обнять её, но боялся. Думал: «Слишком рано. Она не готова. Я спугну её». Но она стояла так близко, что я чувствовал запах её волос — что-то лёгкое, сладкое, летнее.

Я не удержался и обнял. Её руки обхватили мою шею. Я закрыл глаза и понял, что готов стоять так вечность, я готов держать её вечность.

Мы гуляли. Я говорил о себе, а сам смотрел на неё краем глаза. Как она улыбается, как слушает, как она поправляет прядь волос, падающую на глаза. Она такая настоящая, что мне хочется остановить время.

У калитки я остановился. Я наклонился и поцеловал её в щёку, наверное, трусливо. Я хотел в губы, но не решился, побоялся спугнуть.

Сказал, что рад, что она первая сказала. Это правда.

Я люблю её. Я ещё не знал этого. Но я уже чувствовал это каждой клеткой тела.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. «Я ЕДУ»

Её монолог

Это были два слова, которые я ждала каждый вечер.

Не «люблю», «скучаю». Просто: «Я еду».

Телефон вибрировал — и внутри всё взрывалось. Я накидывала куртку, выбегала в коридор, стараясь не разбудить маму. Собака во дворе провожала меня взглядом: мол, опять ты в ночь. Да, опять.

Я стояла у калитки и вслушивалась в тишину. Тишина была обманчивой — она в любой момент могла разорваться низким рокотом мотора. И когда разрывалась, я улыбалась. Каждый раз как в первый.

Он парковался вдали от дома. Глушил двигатель. Снимал шлем — и я снова видела эти глаза. Голубые. Замёрзшие. Счастливые.

— Привет, Амели.

— Привет.

Он подходил, и я сразу чувствовала холод его куртки. Он прижимался ко мне всем телом — не для объятий даже, а чтобы согреться. Зарывался носом куда-то в воротник, в волосы, в шею. Молчал. От него пахло зимой, ветром, дорогой.

— Замёрз? — спрашивала я очевидное.

— Уже нет.

Он держал меня крепко, долго. Его руки, только что сжимавшие руль, теперь обхватывали мою спину. Я чувствовала, как холод постепенно уходит. Он отогревался об меня.

Потом мы сиделись на скамейку у дома или прямо на крыльцо. Я наливала чай из термоса — горячий чай в три часа ночи на крыльце был нашим отдельным видом счастья. Я куталась в плед. Он садился рядом и клал руку мне на колени — туда, где плед.

— Тут мягко, — говорил он. — И тепло. Можно?

— Можно.

Это не было интимным. Это было просто точкой покоя. Его ладонь лежала на моих коленях, согреваясь. А я согревала его присутствием.

Мы говорили обо всём. О закатах, которые он снимал по дороге. О море, куда оба мечтали поехать. О том, как пахнет зима. Он показывал фотографии на телефоне — цветы, небо, свет фар на пустой трассе. Я показывала свои — рассвет из окна, иней на ветках, котика на крыльце. Мы оба искали красивое повсюду. И нашли друг в друге.

Иногда мы просто молчали. Молчание с ним не было неловким. Оно было наполненным.

Но я замечала: когда речь заходила о семье или о детстве, он замолкал иначе. Не спокойно — напряжённо, отводил взгляд. Что-то темнело в его голубых глазах. Я чувствовала: там есть что-то, о чём он не готов говорить. И я не давила, никогда. Просто клала свою руку поверх его. И мы сидели так — две пары глаз, смотрящих в ночь.

— Мне пора, — говорил он через час или два.

Мы вставали. Он снова прижимал меня к себе — теперь на прощание. Потом натягивал перчатки и протягивал кулак, это уже было ритуалом.

— Давай.

Я прижимала свой кулак к его. Костяшка к костяшке.

— Напиши, как доедешь, — говорила я.

— Обязательно.

Шлем. Мотор. Свет фары, тающий в конце улицы.

Я возвращалась в дом. Ложилась в кровать. Телефон не выпускала из рук, ждала. Иногда сорок минут, иногда час. И когда экран загорался и я видела «Я дома», только тогда выдыхала.

И знала: завтра я снова буду ждать два слова.

«Я еду».

Его монолог

Я писал «Я еду» и уже чувствовал, как внутри всё замирает. Не от страха, а от предвкушения.

Я думал о ней. О том, как она стоит у калитки. Как кутается в куртку, даже если не холодно. Как улыбается, когда слышит звук мотора.

Я подходил, и её холодный воротник пах деревом, зимой и чем-то тёплым. Я прижимался к ней, зарывался лицом в её плечо. Она такая маленькая, тёплая — и я чувствую, как отпускает.

Её глаза, улыбка, голос. Я слушал её, не перебивая. Я мог слушать её вечно. Даже когда она говорила о чём-то простом, я чувствовал, как внутри всё успокаивается.

Она показывала фотографии. Я смотрел на них и видел мир её глазами — тихий, красивый, немного грустный. Я хотел быть в этом мире, быть частью его.

Я смотрел на ночь, на её профиль. И думал: «Как я жил без этого?»

Когда я отъезжал, я смотрел в зеркало, пока её фигура не исчезала. Я входил в дом. Садился в темноте, смотрел на потолок. Думал о ней. О том, что она ждёт моего сообщения.

ГЛАВА ПЯТАЯ. РЕВНОСТЬ

Её монолог

Мы были похожи.

В этом была наша сила и наша слабость. Мы оба улыбались, когда внутри пусто, оба боялись, что нас бросят, предадут.

Мы чувствовали одно и то же. Нам не требовались переводчики. Мы говорили на одном языке — языке тех, кто слишком рано узнал, что любовь может быть условной.

И мы оба ревновали.

Он ревновал по-своему. Громко, яростно, до дрожи в голосе. Его ревность была похожа на пожар — внезапная, разрушительная, всепоглощающая. Он не кричал, просто замолкал. Смотрел так, будто я предала его самым страшным образом. Сжимал челюсти, и я видела, как его пальцы сжимаются в кулаки.

Я помню тот день. Я стояла у своего дома. Ко мне подошёл Денис — старый друг, с которым мы учились в одной школе. Мы не виделись пару месяцев, он подвозил меня с учёбы, мы болтали о пустяках. Я смеялась, просто потому что он рассказал какую-то глупую историю.

Я не знала, что он приехал. А потом я увидела его, он стоял в пяти метрах. Мотоцикл был уже заглушен — он сидел на нём, сняв шлем, и просто смотрел. В его глазах не было ничего: ни тепла, ни света. Только лёд. Голубой, прозрачный, обжигающий.

— Привет, — сказала я, подходя ближе. — Ты рано.

Он не ответил. Смотрел на меня так, будто я была незнакомкой, будто все эти ночи, все эти разговоры, все эти прикосновения ничего не значили.

— Кто это? — спросил он.

— Денис, — сказала я. — Друг. Мы вместе учились.

— Друг, — повторил он. Без интонации, будто пробовал слово на вкус.

— Что случилось? — спросила я. — Ты злишься?

— Я не злюсь, — сказал он. Но я видела, как его пальцы сжимают руль мотоцикла.

— Ты злишься, — повторила я. — Я вижу.

Он посмотрел на меня. В его глазах была боль, от которой перехватило дыхание.

— Это просто разговор, — сказала я. — Мы друзья, он подвёз меня.

— Я знаю, — сказал он. — Когда ты улыбаешься кому-то ещё — я чувствую, что ты улыбаешься не мне. Что я не единственный.

Я хотела сказать, что это глупо, он единственный, кто видит мою настоящую улыбку. Но вместо этого я взяла его руку, его пальцы были ледяными. Я сжала их.

— Ты единственный, — сказала я. — Ты знаешь это.

Он не ответил. Просто сжал мою руку в ответ, и я чувствовала, как его пальцы дрожат. Он боялся потерять меня, боялся, что я выберу кого-то другого, что он недостаточно хорош для меня.

Я понимала этот страх. Потому что боялась того же.

Её страх

Я тоже ревновала. Но по-другому.

Я не боялась других женщин. Я боялась, что он устанет от меня. Что я слишком требовательная, слишком ранимая. Что однажды он поймёт: ему не нужны мои страхи, моя неспособность доверять. Что он заслуживает кого-то более лёгкого, более спокойного, более счастливого.

Я боялась, что он уйдёт. Не потому что я сделала что-то не так, а потому что он просто поймёт: я не стою его усилий.

Однажды он задержался. Не писал мне несколько часов. Я знала, что у него много дел, знала, что он занят, но внутри росла паника. Я представляла, что он встретил кого-то, что я была всего лишь ошибкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.